

— Если не выпустишь моего брата, клянусь, как только аристократы сделают меня своей, я стану являться по твою душу каждую ночь!

Что есть мочи захлопнув дверь, отрубившую дальнейшую ругань Лэнгов, мужчина вернулся в свой тесный кабинет. Несколько минут назад мэр и прочие важные шишки разошлись по домам. Здесь, в лечебнице, в полупустой комнате с выдавшим виды столом и одиноким стулом, гул их голосов как будто еще витал в спертom воздухе.

— Гадкие дети. Я думал, хоть кто-то из них будет плакать и умолять, а они только и знают, что угрожать взрослым.

Бубня себе под нос, мужчина отодвинул тяжелый стул и уселся на свое место перед стальной дверью, отделяющей кабинет от запертых помещений, известных также как «клетки». Там располагалось десять отдельных камер, окруженных сверхпрочными стальными решетками, — достаточно просторных, чтобы Дорис и Дэна закрыли вместе. Вообще-то, кое-кто из горожан был бы не прочь присмотреть за мальчиком, пока Дорис содержится в клинике, поскольку он был тут совсем ни при чем, но Дэн сражался как тигр, заявив под конец, что без сестры умрет. Существовала также вероятность, что, будучи предоставленным самому себе, паренек попытается организовать побег Дорис, так что соглашение было достигнуто.

Сюда помещали всех жертв знати, невзирая на степень их «недуга»; если злодей-аристократ уничтожался, проклятие снималось и все было замечательно. Если же нет, жертв по прошествии определенного периода отпускали, изгоняя из города.

«Определенный период» зависел от того, как скоро разочарованный аристократ нападал на кого-то еще, но тут раз на раз не приходился. В Рансильве этот срок был довольно велик — примерно три недели, поскольку, основываясь на прошлом опыте, графу требовалось в среднем три «посещения», чтобы осушить жертву, а интервал между атаками обычно составлял от трех до пяти дней.

Естественно, каждая деревня опасалась, что лечебница, в которую помещалась жертва, может подвергнуться нападению вампиров, поэтому большая часть здания охранялась хорошо вооруженными, знающими толк в сражениях мужчинами. А так как дело касалось аристократов, ни одно поселение не скупилось, покупая боеприпасы для клиники. Вдобавок к пяти полностью автоматическим и десяти дистанционно управляемым катапультам, окружающим это тридцатифутовое полукруглое строение, имелись также три лазерные пушки, нейтрализующие экипажи знати, и пара выписанных из самой Столицы огнеметов. Горожане хотели установить и электромагнитный барьер, но столичные запасы иссякли — барьеры трудно было достать даже клиентам, готовым платить по ценам черного рынка.

Человек, охраняющий клетки, был в толпе, штурмовавшей ферму Дорис. Мэр оставил на вахте лишь одного бойца, поскольку решил, что граф, за ночь отведав крови уже троих, не станет слишком спешить заполучить Дорис. Но при необходимости сторож мог разбудить всю деревню, включив сирену, да и наружное оружие приводилось в действие посредством встроенного в его стол пульта. К тому же часа через четыре небо на востоке порозовеет. Так что мужчина не слишком беспокоился.

Он уже задремал, когда в дверь постучали. Человек повернулся к видеопанели и нажал кнопку. В мониторе замаячила физиономия Греко.

— Чего тебе? — буркнул сторож в интерком.

— Будь другом, открой. Я пришел проведать Дорис.

— Не могу. Твой отец особо подчеркнул — не пускать тебя ни в коем случае.

— Да ну, не ломайся. Ты же в курсе, я по этой девчонке с ума схожу, верно? Только между нами — на закате ее по приказу моего папаши собираются отдать клыкастому старику. Сегодня мой последний шанс увидеть любимую женщину. И тебе, кстати, перепадет кое-что, — Греко покрутил перед камерой парой золотых монет — не новыми даласами, введенными в обращение революционным правительством пять лет назад, а «аристократическими деньгами», ходящими среди знати. Когда восставшие наконец захватили власть, они уничтожили целую гору золотых, планируя начать свою экономическую политику с чистого листа. Такая монета стоила на черном рынке больше тысячи даласов, а тысяча даласов — это полгода безбедной жизни во Фронтире.

Полюбовавшись с минуту сиянием золота, охранник молча нажал кнопку. Электронный замок отключился, дверная ручка повернулась, и в кабинет не спеша шагнул Греко.

— Спасибо, приятель. Вот, держи!

Три золотые монеты со звоном упали на стол. Забыв закрыть дверь, мужчина схватил один кругляш и принялся деловито изучать то мзду, то лицо Греко, после чего удовлетворенно кивнул. Убрав подношение в карман, он заявил:

— Думаю, все будет в порядке, но учти: у тебя только три минуты.

— Да ну, дай хотя бы пять.

— Четыре.

— Ладно, а торговаться ты мастак. Сторож пожал плечами, отвернулся и потянулся к связке ключей, висящей у него на поясе. Перебрав звенящую гроздь, охранник остановился наконец на одном и вставил ключ в замок. Отпираться эту дверь автоматически было ни к чему.

— Скажи... — Мужчина оглянулся на Греко, успел заметить страшно побледневшее лицо толстяка — и белый сполох ударил его в грудь.

Тело мгновенно убитого сторожа растянулось у стены, а Греко тем временем повернул торчащий из скважины ключ, открыл дверь и вошел в клетки. Нож он заблаговременно заткнул за пояс.

— Греко!

Камеры располагались по обе стороны узкого коридора; крик Дорис раздался из первой слева:

— Мерзавец, зачем ты явился сюда — чтобы получить по башке?

— Заглохни.

Дорис умолкла. Ей совершенно не понравилось выражение лица Греко — оно явно предвещало что-то дурное.

«Какого черта он задумал?»

— Я вытащу тебя отсюда. Ты должна бежать вместе со мной.

За железными решетками переглянулись дети Лэнг, и Дорис тихо сказала:

— Только не говори мне... ты же не мог убить Прайса...

— Ох, еще как мог. И не его одного. Мой папаша тоже свое получил. Это ему за то, что посмел замахнуться на меня плеткой, когда я вернулся домой. Старый ублюдок. Я ему облегчаю работу — и вот вам благодарность. Но это уже неважно. В любом случае мне нужно убраться из города сегодня же. Ты со мной? — Глаза его сверкали, как у зверя, но речь текла медленнее патоки.

Если не задумываться о подоплеке его поступков, кто-то мог бы счесть подобную преданность любимой женщине достойной восхищения, но Дорис отрезала:

— Извини. Я скорее отправлюсь в графский замок, чем пушусь в бега с тобой.

— Какого дьявола?..

Слезы закипели в девичьих глазах. Слезы ненависти.

— Ты связался с этим мясником... и ты, ты тоже убил Ди! погоди еще. Мне плевать, что со мной станется, но я лично позабочусь о том, чтобы ты отправился в ад.

Дорис всегда отличалась сильной волей, но теперь прекрасные глаза девушки переполняло безысходное отчаяние, и Греко забыл обо всех своих планах и грезах.

— Значит, вот как? Ты предпочитаешь мне аристократа?

Он вскинул лицо, невыразительное и пустое, но в зрачках Греко полыхал небывалый костер.

— Если так, то будь по-твоему, тебе надо идти — так иди, иди к своему хахалю в загробный мир! — Отступив на шаг, он вскинул свой десятизарядный пистолет.

— Сестричка! — вскрикнул Дэн и что было силы обхватил шею Дорис, пытавшуюся укрыть мальчика, спрятать его себе за спину.

— Ты свихнулся, Греко!

— Говори что хочешь. Но я скорее застрелю тебя, чем позволю другому мужчине овладеть тобой — вампир он или нет. Ты и этот болтливый щенок распрощаетесь с жизнью вместе.

— Стой!

Дорис собирается умолять пощадить ее — это была последняя четкая мысль, мелькнувшая в сознании Греко. Кто-то сзади стиснул запястье держащей револьвер руки — не слишком сильно, но онемевший палец уже не смог нажать на курок. Неземной холод потек по предплечью Греко. Дыхание со сладким запахом смерти тревожило ноздри, а ледяные, мрачные слова терзали барабанную перепонку:

— Надо было убить меня, когда была возможность. — Восковое лицо Лармики склонилось к основанию загорелой шеи Греко. Остолбеневшие от ужаса Дорис и Дэн смотрели, как Греко становится все бледнее и бледнее, словно растворяясь в тумане. Секунда — и молодая леди в черном оторвалась от мужчины и двинулась к клетке. Тонкая струйка крови стекала из уголка рта красавицы, более всего похожей сейчас на мстительного призрака. Вероятно, она еще не утолила жажды, ибо ярко-алый взгляд вампириши потряс Дорис и Дэна до глубины души.

С выражением бездонного ужаса, застывшим на лице гипсовой маской, Греко рухнул на пол —

пустая скорлупка, из которой выкачали всю кровь до последней капли.

— Что ты...

Голос Дорис заметно дрожал, но Лармика коротко уронила:

— Уходи.

Огонь безумия покинул ее глаза, напротив, сейчас в них голубела печаль.

— Что?

— Беги же. Отец скоро придет сюда. И тогда я уже не смогу ничего сделать.

— Но... нам отсюда не выбраться. Дай, пожалуйста, ключи. — Дэн потряс решетку. Его гибкий восьмилетний разум уже согласился считать эту вампиршу их союзницей.

Тонкие пальцы Лармики, которые, казалось, того и гляди сломаются на ветру, стиснули железные прутья. Какой же все-таки невероятной силой обладали вампиры! Один мощный рывок — и искореженные куски сверхпрочной стали полетели во все стороны.

— Немыслимо...

Все еще загоразивая собой выпучившего глаза Дэна, Дорис спросила:

— Ты действительно хочешь, чтобы мы ушли? Правда? Но почему ты нам помогаешь?

Тень грусти тронула подобное луноцвету лицо обернувшейся Лармики.

— Он умер... но защищал тебя до самого конца. Он бы опечалился, увидев тебя в объятиях отца. А я не хочу огорчать мертвого...

Только когда Дэн за руку вытащил сестру в коридор, Дорис осознала, что внушающая страх красавица питала к Ди те же чувства, что и она сама.

— Ты... ты его...

— Иди — и поторопись.

Они втроем вошли в кабинет.

В центре комнаты стояла черная фигура.

— Отец! — в ужасе воскликнула Лармика.

— Какого черта, все еще ничего? — с отвращением выплюнуло личико-опухоль, прижимаясь к груди Ди. — Рана от меча или копья была бы не так плоха, но, отведав осинового колышка, его моторчик не слушается меня. Бейся же. Ну стукни один разок — и бейся!

Сложив в кулак пальцы, карбункул поднял «свою» руку, чтобы сильнее ударить Ди, но остановился на полпути.

В ночном небе что-то сгущалось.

Рой белых полупрозрачных пленок закружился над домом, а затем мембраны начали

склеиваться, образуя нечто целое. Когда тучка снизилась, сквозь частично просвечивающее тело стали видны причудливые внутренние органы. Это был еще один искусственно созданный аристократами монстр — ночное облако. Форма жизни, способная восстановить себя из единственной клетки, днем облако витало в ледяных верхних слоях стратосферы, а по ночам спускалось на землю — поохотиться.

И без того страшные, эти проклятые штуки были еще и опасными хищниками, — обнаруживая жертву, они сливались воедино, окутывали добычу со всех сторон — и переваривали ее заживо. Ночные облака питались потерявшимися детьми и неопытными путешественниками; из-за них и еще из-за прорывающих измерения тварей множество людей пропало без вести. Лишь электромагнитный барьер не давал им до сих пор превратить ферму Дорис в хаос.

Облако зависло футах в пятнадцати над головой Ди, но тут его, наверное, подхватил и отнес в сторону, к стойлам, ветер. Задержавшись на миг у дверей, тучка распласталась простыней и легко проскользнула в щель между стеной и косяком. Животные заверещали, стены два-три раза содрогнулись — и вскоре все опять замерло.

— Эти твари жрут, как свиньи. Скоро оно вернется. Так что давай бейся, глупое, никчемное сердце! — Умоляющий кулак свирепо заколотил по груди Ди, после чего снова принялся всасывать воздух. Тело не шевелилось. — Ну же, негодник!

Если бы кто-то увидел этот дикий, но отчаянный моноспектакль, продолжавшийся несколько минут, то, наверное, расхохотался бы в голос.

А потом...

Дверь сарая распахнулась, выбитая изнутри, и рассыпалась в щепки. А секунду спустя во двор вывалилось нечто невыразимо гротескное. В полупрозрачной облачной массе мучительно извивалась постепенно растворяющаяся корова! Шкура ее лопнула, красное мясо таяло, обнажившиеся кости медленно истончались. Плоть и кровь смешались в узкой трубке — вероятно, своеобразном пищеводе, жидкость завихрилась, точно в воронке, и облако засветилось ярче прежнего. Оно питалось. Несколько секунд разбухшая масса колыхалась у входа в стойло, а затем, видно почуяв новую жертву, поползло в сторону Ди. Вес полупереваренной коровы тормозил тучу, и двигалась она медленно.

— Глянь, как уже близко. Давай же, заводись! — Кулак еще раз опустился на ребра Ди.

Облако придвинулось футов на десять — уже слышно было, как мучится внутри несчастное животное.

Три фута. Облако поднялось в воздух и полетело прямо к Ди.

И тут яркая молния прошла прозрачную массу.

Клинок прошел насквозь, не встретив ни малейшего сопротивления; рассеченное облако упало в пыль двумя ломтями и тут же обесцветилось, не успев рассыпаться на мелкие кусочки. Лишь за клубился легкий парок — и земля впитала убитую тучу без следа, не проглотив только обглоданный труп коровы, точно побрезговав тушей.

Ди встал на ноги, разметав по сторонам лунные лучи.

— Ну вот и славно. А знаешь, ты, как обычно, напугал меня до чертиков.

Пропустив мимо ушей несколько неуместное — по отношению к только что восставшему из мертвых — приветствие, Ди спросил:

— Где они?

— В лечебнице, полагаю. А лечебницы каждая деревня воздвигает на окраине.

Разговор завершился. Ди направился к конюшне.

Высокие деревья раскинули ветви, точно мифические чудища — лапы, отгоняя назойливый лунный свет. Разве что заплесневевшие грибы слабо фосфоресцировали здесь, среди переплетенных корней, но их мерцание не могло рассеять плотную давящую тьму. Любой путешественник, будь он даже с факелом, заблудился бы тут, в ночном лесу.

Это был Рансильвский лес — где ночь, говорят, живет даже в полдень. И по нему отчаянно бежал Дэн. Он был не один. Во мраке за спиной, меньше чем в тридцати шагах, раздавалось хищное рычание. Кому оно принадлежало, сомневаться не приходилось. Мальчика преследовал Гару, графский слуга.

Застигнутые графом в тот момент, когда они как раз собирались распрощаться с лечебницей, Лармика и Дорис были препровождены в карету, а о Дэне словно забыли. Твердо решив спасти сестру, мальчик кинулся домой, на ферму, за оружием. Даже ему, маленькому ребенку, было ясно, что нет смысла искать помощи у кого-либо в городе. И момент не был пока потерян. Кратчайший путь шел не по дороге, а через Рансильвскую чащобу. Помня лишь о сестре, паренек не колебался ни секунды. Однако стоило ему углубиться в заросли, позади зарычал вервольф.

Смертельный марафон начался.

Отец и сестра иногда приводили его сюда, но днем, в пору относительной безопасности; Дэн даже не помнил, чтобы ему приходилось играть в лесу в одиночку. Он поднапряг память — и принялся петлять что есть мочи, нырять в дупла и прятаться в кустах, пытаясь сбить преследователя с толку.

Но когда паренек останавливался, погоня прекращалась. Стоило ему побежать снова — и оборотень бросался следом. Как ни старался Дэн, расстояние между ними не росло и не сокращалось.

Тогда мальчик понял, что враг играет с ним, — и тут же чувство превосходства покинуло его сердце, уступив место чистейшему черному ужасу. Он бежал, бежал не щадя ног, но преследователь, не отставая, держался в неизменных тридцати шагах за спиной добычи.

Сердце Дэна готово было взорваться, да и перетруженные легкие едва не лопались. Во рту было солоно от слез. И когда мальчик уже решил, что все, он больше не может, впереди забрезжил свет. Выход!

Надежда наполнила его новой энергией. Усталые ножки снова резво зашлепали по земле — но вдруг что-то вцепилось в детские щиколотки!

— А-а-ах! — Упав навзничь, Дэн попытался подняться, но держали его крепко. — Рука мертвеца!

Скудный свет луны, едва просачивающийся сквозь частое переплетение ветвей, все же показал

ему, в чем дело. Высунувшаяся из земли синюшная рука трупа омерзительно шевелила пальцами. Или нет, не пальцами — цветками. Дэна схватило бледное соцветие, как две капли воды похожее на гниющую руку трупа. Аристократы сеяли разные ботанические страсти, а это растение было причудливым, но вполне безобидным. А ведь Дэн знал, где оно цветет, и все же умудрился угодить в самую середину поляны, — видно, ужас, гонящийся за ним, начисто стер из сознания любые мысли. Но кто станет винить за это восьмилетнего мальчика?

Собравшись с силами, Дэн все-таки поднялся. Вырванная с корнем рука мертвеца упрямо не желала отцепляться.

Он уже собрался помчаться снова...

— Уууу-а-уууу!

Жуткий вой ударил в спину, сковав ноги. Увидев выход из леса, Гару решил, что пора положить конец гонке. Оборотень преследовал Дэна, потому что граф впервые за несколько веков разрешил слуге перекусить живым человеком.

Вымотавшийся паренек уже сдался. «Прости, сестренка. Похоже, мне не спасти тебя». Слезы жалости покатались по детским щекам.

И вдруг вой оборвался. Дэну даже показалось, что вервольф испугался.

В этот момент мальчик что-то услышал. Цокот копыт, далекий, но неуклонно приближающийся. Ни голоса, ни фигуры различить было невозможно, однако Дэн мгновенно понял, кто это.

— Ди! — восторженный крик расколол тьму.

И снова взвыл оборотень, и черный вихрь пронесся мимо несостоявшейся жертвы.

— Ди, берегись!

Паренек кинулся вперед, пинками отбрасывая на ходу соцветия «рук мертвеца». Немыслимый звериный рев взмыл к небесам — и оборвался.

Буквально вывалившись из леса на степной простор, Дэн увидел на холме купающегося в лунном свете всадника. У ног его лежал павший вервольф. Лошадь переступила через труп и галопом понеслась вниз по склону, к мальчику.

— Что ты здесь делаешь? Где твоя сестра?

Дэна переполняли эмоции.

— Ой, Ди, ты жив! Я знал, что ты не умрешь, знал... — мальчик не находил слов. Когда же он наконец немного успокоился и объяснил ситуацию, Ди молча подхватил его и посадил на коня. Он не велел Дэну отправляться домой и не предложил довести его до фермы.

Кинув стальной взгляд поверх прерии на графский замок, Ди спросил:

— Ты со мной?

Тот же самый вопрос он задал мальчику прошлой ночью в развалинах.

— Конечно!

Иного ответа и не ожидалось.

Все замки аристократов имели одну характерную особенность, вполне отвечающую требованиям их хозяев-вампиров. Роскошные покои всегда ожидали гостей и прочих посетителей, но лорд и его семья не имели собственных спален.

Они почивали в месте, более приличествующем их рангу, в месте, вошедшем в легенду: в гробах под землей.

Здесь, в подземных покоях, наполненных крошечными организмами, где запах сырости смешивался со сладким ароматом древнего перегоя и давным-давно не зажигавшихся факелов, здесь спало настоящее прошлое, избавленное от компьютерного контроля. Стену тридцатифутовой высоты полностью закрывал гигантский портрет бога-предтечи. На алом помосте перед полотном стояли граф, в черном облачении, и Дорис, в платье белее снега. Глаза девушки были безжизненны. Гипноз полностью сковал ее волю.

Слева от помоста застыла Лармика; ее полубессознательный взгляд блуждал в пространстве, избегая останавливаться на отце и его будущей супруге. Но виновато тут было не внушение, сделанное ей отцом за попытку поспособствовать бегству Дорис, а потеря, опустошившая сердце прекрасной вампириши.

Сейчас, сейчас начнется мрачная свадьба...

— Смотри. С этой ночи ты будешь спать здесь.

Граф показал на пару лакированных гробов, чернеющих на каменной плите перед возвышением и украшенных резным гербовым узором: соколы и языки пламени. На боку правого гроба было выгравировано имя «Ли». Табличка на левом гласила: «Дорис».

— В них земля. Та самая гордая почва, на которой воздвигнут фамильный замок Ли. Уверен, она будет ночь за ночью дарить тебе сны о сладкой крови. А теперь приступим.

Граф коснулся подбородка Дорис и слегка запрокинул девушке голову, обнажив бледное горло.

— Прежде чем мы обменяемся клятвами мужа и жены, я должен избавить тебя от этой гнусной метки.

Из складок плаща он достал маленькую печатку с тем же гербом, что и на крышках гробов.

— Сперва справа. — Белый дымок поднялся от вдавившейся в мягкую плоть печатки, и Дорис вздрогнула. Переместив клеймо чуть ниже, аристократ произнес: — Теперь слева.

Процедура завершилась, и отвратительный рот вампира приблизился к хрупкому горлу невесты. Завитки дыма еще висели в воздухе, но на девственной шее больше не осталось никаких отметин, кроме пары ранок — следов первого укуса графа. Дыхание, воняющее кровью, жарко опалило кожу. Крест, защищавший девушку до сей поры, не проявился.

— Отлично. Теперь мне нечего бояться, и я награжу ее поцелуем.

Широко ухмыльнувшись, вампир опустил печатку в карман и повернулся к своей ненаглядной — окаменевшей рядом — дочери:

— Ты получишь новую мать. Не удостоишь ли нас несколькими поздравительными словами?

Пустой взгляд сфокусировался на отце. Губы Лармики вяло шевельнулись.

— Я... — начала она, — я, Лармика Ли, твоя три тысячи семисот двадцатисемилетняя дочь, поздравляю моего три тысячи семисот пятидесятисемилетнего отца Магнуса Ли и мою семнадцатилетнюю мать Дорис Лэнг по случаю их бракосочетания. — Голос ее был пресен, но граф кивнул — и наострил уши.

То, что сперва казалось эхом слов Лармики, мечущимся среди каменных стен, переросло в складный хор, от которого вибрировали подземные покои — точно мертвые, ворочаясь, поднимались из могил, чтобы пропеть:

— Сердечно поздравляем графа Магнуса Ли с созданием нового союза.

Голоса принадлежали обитателям бесчисленных гробов в стенах и под полом. Некоторые слегка дрожали и похрипывали, отчего аристократ прищурился.

— Теперь пора... — С этими словами губы лорда потянулись к незащитному горлу Дорис, но тут передатчик в кармане его жилета неприятно загудел. — Ох, адская машина, — раздраженно буркнул граф и вытащил источник тревоги. — Ну, что там такое?

Металлический — должно быть, компьютерный — голос ответил:

— Пара людей и лошадь только что подъехали к главным воротам. Оба мужского пола, возраст одного приблизительно восемь лет, возраст другого — между семнадцатью и восемнадцатью.

— Что? — Глаза графа налились кровью.

Лармика ошеломленно обернулась.

— Вход запрещен. Мост не опускать. Открыть по ним огонь — немедленно!

— Фактически... — Компьютер заколебался. — Мост опустился, как только они прибыли. Оружие привести в боеготовность не могу. Полагаю, животное или один из людей обладает устройством, пресекающим мои команды. В настоящее время все электронное вооружение замка неуправляемо и бездействует.

— Ах негодяй, — с ненавистью простонал граф. — Значит, щенок все еще жив? Но черт побери, как ему удалось выкарабкаться? Даже мне неизвестно, как вернуться, получив кол в сердце.

— Для такого, как он... — пробормотала Лармика.

— Такого, как он? Дочь, ты знаешь что-то о его личности?

Лармика промолчала.

— Хорошо. Этот вопрос пока подождет. Сперва я должен расправиться с ним. Когда что-то нарушает церемонию, торжества обычно откладываются до тех пор, пока с досадными помехами не будет покончено.

— Ясно, отец. Но как именно ты намерен разобраться с ним?

— Я знаю кое-кого, кому не терпится исправить одну ошибку.

Когда небо на западе подернулось бледно-голубой пеленой, Ди и Дэн вновь встретились с Рэем-Гинсеем — на этот раз во дворе замка.

— У меня больше нет благоволия временной ловушки, — с великолепной дьявольской улыбкой заявил разбойник. По пути с фермы Дорис в замок он столкнулся с графской каретой, с опасной скоростью катящейся из города, и остаток пути проскакал рядом с экипажем. — Могу понять, отчего граф так расстроился. Однако, если я опять отправлю тебя в иной мир, уверен, гнев его утихнет. Не будешь ли добр спешиться.

Их разделяло десять футов — совсем как на ферме Лэнгов. Дэн с лошастью укрылись за каменной статуей в ожидании исхода битвы.

Вызов, по сути своей, был нелеп. Без благоволия временной ловушки Рэй-Гинсей не имел шансов уничтожить Ди. С другой стороны, любая серьезная рана, нанесенная охотником разбойнику, благодаря способностям мутанта искривлять пространство, возникнет и на теле Ди. И все же, очевидно, каждый из противников полагал, что вероятность его победы велика. Оба приступили к действиям одновременно.

— У-ух!

Ди согнулся пополам и упал на колени. В правой руке Рэя-Гинсея на волшебной свече затанцевал огонек. Бандит обманул Ди. Миг — и в воздух с тоненьким свистом взмыл клинок-сорокопут.

Но в прошлый раз Рэю-Гинсею удалось одержать верх благодаря удесающей мускульные силы боевой форме. Ди, лицо которого искажала агония, сбил оружие неприятеля на лету — и прыгнул.

Казалось, что сцена дуэли в развалинах проигрывается вновь. Впрочем, на этот раз Рэй-Гинсей не увернулся, а демонстративно подставил голову под серебряную дугу. Он решил, что Ди попытается отрубить ему оставшуюся руку, но, осознав, что падающее сверху вниз лезвие целился ему точно в лоб, открыл в своем теле канал дополнительного измерения и не попытался бежать.

Глаза Ди залила кровь, но не из раскроенного черепа — он лишился всего лишь тонкого лоскута кожи над бровью. А секундой позже ярко-красный фонтан ударил из живота Рэя-Гинсея. Остолбеневший красавчик изумленно уставился на клинок, торчащий из его плоти... тот самый клинок, которому полагалось расколоть голову Ди пополам. Занесший меч охотник на вампиров только слегка чиркнул по лбу разбойника, затем стремительно перехватил клинок и глубоко вонзил его в собственное подбрюшье! Войдя в тело Ди, уже связанное с телом Рэя-Гинсея, меч материализовался в животе бандита. За исключением способности искривлять и соединять точки пространства, Рэй-Гинсей был обычным человеком, для которого подобное ранение смертельно. На столь абсурдный способ убийства мог решиться только дампир вроде Ди.

— Дэн, потуши свечу.

Под звук шагов ринувшегося выполнять просьбу друга мальчика Рэй-Гинсей рухнул наземь. Благоволие покинуло слабеющие пальцы, алая кровь хлынула в песок.

— Эй, погоди копыта отбрасывать. Сделай хотя бы одно доброе дело, прежде чем придет конец твоей жалкой жизни. — Дэн затоптал свечу и поежился: мальчика пробрал холодок при виде того, как меч, торчащий из живота упавшего Рэя-Гинсея, гладко скользит, исчезая в теле. Это

Ди вытащил из себя клинок-бастард.

— Какое же... доброе дело? — просипел Рэй-Гинсей.

— Скажи, где моя сестра.

— Не знаю... Иди, куда подскажет сердце... Граф нарек ее своей невестой... — Из рта раненого вылетел сгусток крови, последние спазмы неумолимой смерти обезобразили великолепные черты. — Если бы меня сделали аристократом... — И голова бандита упала.

— Так и не сказал, чертов идиот, — грустно потупился Дэн. — Если бы он поступал хорошо, вместо того чтобы просто хорошо выглядеть, то мог бы прожить еще долго-долго...

— Правильно. — Ди тяжело дышал. Эффект благовония временной ловушки исчерпал себя, как только свеча погасла, и сейчас охотник страдал из-за раны в животе.

— Как думаешь, куда они дели сестренку? Замок такой огромный, я даже не представляю, откуда начинать поиски. — Дэн готов был разреветься, но Ди похлопал паренька по плечу:

— Ты забыл, что я охотник на вампиров. Иди за мной.

Пара направилась напрямик в подземные покои. Дэн с удивлением наблюдал, как запертые двери сами собой распахиваются перед приближающимся Ди. Ничто не могло остановить их. Время от времени на пути попадались люди с невыразительными блеклыми лицами, слуги или фрейлины, но никто из них даже не взглянул на гостей, прежде чем раствориться во мраке.

— Роботы, наверное, — предположил Дэн.

— Продукт фальшивой жизни; этот замок уже объят тлением. Как и сами аристократы.

Спустившись на два уровня по узкой лестнице, они оказались перед массивной деревянной дверью, от верхушки до самого низа обитой блестящими гвоздями. Серьезность преграды свидетельствовала о важности проходящей за ней церемонии.

— Здесь, да? — напрягся Дэн.

Ди снял с шеи голубой медальон и надел его на мальчика.

— Это отгонит роботов. Оставайся тут.

Дверь не имела ни замка, ни засова. Однако многотонные на вид створки с едва слышным скрипом разошлись, стоило пальцу Ди погладить темную панель. В недра тьмы водопадом стекала широкая лестница; древние, слегка вогнутые ступени истерлись по центру под некогда ступавшими по ним ногами. Где-то глубоко внизу брезжил едва различимый свет. Ди направился туда. Далеко справа заплясали огни.

Гробы, начиненные прахом, руки и ноги скелетов, торчащие из щелей в трухлявых досках, грудные клетки, раздавленные съехавшими крышками саркофагов, — вот что встретило Ди во тьме. Пробравшись сквозь ряды давно упокоившихся мертвецов, Ди наконец оказался перед багряным помостом — и встретился лицом к лицу с графом.

— Я впечатлен тем, что тебе удалось вернуться к жизни, — без злобы произнес граф.

Ди взглянул на застывшую на возвышении Дорис, и губы его слегка дрогнули: охотник

улыбнулся.

— Кажется, я как раз вовремя.

К этому моменту Лармика уже успела куда-то исчезнуть.

— После смерти времени у тебя будет предостаточно, — ответил аристократ. — Однако, как говорила моя дочь, поистине стыдно убивать тебя. Ты возвратился после того, как кол пронзил тебе грудь, — этот секрет мне и самому очень хотелось бы знать. Что скажешь? Не передумаешь ли напоследок? Не желаешь ли взять Лармику в жены и жить здесь, в замке? Она бродит как неприкаянная с тех пор, как повстречала тебя.

— Знать давным-давно вымерла, — произнес Ди. В голосе его отчего-то звенела печаль. — Аристократы и этот замок всего лишь фантомы, забытые временем. Возвращайтесь туда, где вам самое место.

— Замолчи, щенок! — гневно оскалился граф. — В тебе кровь аристократа, и ты должен знать, что такое бессмертие. Жизнь, дарованная до конца времен, — и мы обязаны исполнять то, что нам предназначено, — давить человеческих червей!

Резко оборвав речь, граф нахмурился. Он заметил, что Ди не смотрит на него — взгляд охотника приклеился к висящему на стене за спиной лорда Ли портрету.

Впрочем, он не обратил бы на это внимания, если бы не один факт. Удивление, граничащее с ужасом, — вот что испытал граф, увидев, что лицо юнца в мигающем свете факелов как две капли воды похоже на лицо того, кто изображен на портрете, заморожившем охотника.

Впрочем, он не обратил бы на это внимания, если бы не один факт. Удивление, граничащее с ужасом, — вот что испытал граф, увидев, что лицо юнца в мигающем свете факелов как две капли воды похоже на лицо того, кто изображен на портрете, заморожившем охотника.

В ушах графа вновь зашелестели слова, слышанные им дважды, и он невольно произнес их вслух:

В ушах графа вновь зашелестели слова, слышанные им дважды, и он невольно произнес их вслух:

— Случайные гости...

— Случайные гости...

На протяжении всей гордой, славной истории знати лишь эта фраза их богоподобного предтечи встретила подозрение и отрицание. В Академии наук вампиров был разработан метод математического анализа судьбы, но после сверки расчетов с данными из истории всех известных цивилизаций ученые решили не обнародовать результаты своих исследований — за что подверглись жестокой критике, и на их защиту встал бог-предтеча, появившийся на публике впервые за многие тысячелетия. Тогда-то он и проронил эти слова.

На протяжении всей гордой, славной истории знати лишь эта фраза их богоподобного предтечи встретила подозрение и отрицание. В Академии наук вампиров был разработан метод математического анализа судьбы, но после сверки расчетов с данными из истории всех известных цивилизаций ученые решили не обнародовать результаты своих исследований — за что подверглись жестокой критике, и на их защиту встал бог-предтеча, появившийся на

публике впервые за многие тысячелетия. Тогда-то он и проронил эти слова.

Великая, вечно текущая река истории некогда несла на своих мирных волнах цивилизации, которым суждено было бесследно кануть в глубины ее вод, — их-то и назвал бог-предтеча случайными гостями. Вопрос в том, кого он имел в виду — аристократов или людей?

Великая, вечно текущая река истории некогда несла на своих мирных волнах цивилизации, которым суждено было бесследно кануть в глубины ее вод, — их-то и назвал бог-предтеча случайными гостями. Вопрос в том, кого он имел в виду — аристократов или людей?

Мысли графа свились в тугой клубок, из которого вдруг высвободилась одна тонкая ниточка. Ему вспомнился дикий слушок, ходивший в кругах высшей аристократии.

Мысли графа свились в тугой клубок, из которого вдруг высвободилась одна тонкая ниточка. Ему вспомнился дикий слушок, ходивший в кругах высшей аристократии.

«Наш бог-предтеча, кажется, поклялся своей человеческой жене — он станет убивать родившихся у них детей, а она и потом будет вынашивать новых. Немыслимо!»

«Наш бог-предтеча, кажется, поклялся своей человеческой жене — он станет убивать родившихся у них детей, а она и потом будет вынашивать новых. Немыслимо!»

Сознание графа балансировало на грани паники и замешательства.

Сознание графа балансировало на грани паники и замешательства.

«Он же не может быть... Мог ли бог-предтеча все же замыслить соединить кровь человека и аристократа?»

«Он же не может быть... Мог ли бог-предтеча все же замыслить соединить кровь человека и аристократа?»

Не зная, где правда, а где ложь, граф шагнул вперед. Его колотил озноб.

Не зная, где правда, а где ложь, граф шагнул вперед. Его колотил озноб.

— Щенок, я позабочусь о том, чтобы ты перед смертью испытал на себе всю мощь аристократа.

— Щенок, я позабочусь о том, чтобы ты перед смертью испытал на себе всю мощь аристократа.

Черный плащ взметнулся над головой графа. Подкладка оказалась красной, блестящей. Воздух взвыл, пламя факелов заметалось — еще чуть-чуть, и огонь погас бы. А плащ развернулся, раскинулся, растекся, точно чернильное пятно по воде, — и попытался обернуться вокруг Ди.

Черный плащ взметнулся над головой графа. Подкладка оказалась красной, блестящей. Воздух взвыл, пламя факелов заметалось — еще чуть-чуть, и огонь погас бы. А плащ развернулся, раскинулся, растекся, точно чернильное пятно по воде, — и попытался обернуться вокруг Ди.

Одним летящим движением Ди выхватил меч, полоснул по краю черной накидки — и клинок застрял в ткани. А ведь этим мечом Ди зарубил бронзового монстра, Голема, и остановил бег оборотня!

Одним летящим движением Ди выхватил меч, полоснул по краю черной накидки — и клинок застрял в ткани. А ведь этим мечом Ди зарубил бронзового монстра, Голема, и остановил бег

оборотня!

А полотнище уже обвивалось вокруг меча, вырвав его наконец из руки Ди. Впрочем, на самом деле охотник сам разжал пальцы. Начни он сопротивляться — и рука оказалась бы в жестоких, сокрушающих кости тисках.

А полотнище уже обвивалось вокруг меча, вырвав его наконец из руки Ди. Впрочем, на самом деле охотник сам разжал пальцы. Начни он сопротивляться — и рука оказалась бы в жестоких, сокрушающих кости тисках.

— Вот ты и гол! — высокомерно хохотнул граф, беря в правую руку меч противника. Плащ уже обрел обычный вид. Еще раз взмахнув черной полой, граф объяснил: — Он сшит из кожи женщин, утолявших мою жажду, и отполирован их кровью. Благодаря тайной технологии, известной лишь моему клану, он в пять раз прочнее самой закаленной стали и в двадцать раз гибче паутины. Ты только что стал свидетелем его вяжущих свойств.

— Вот ты и гол! — высокомерно хохотнул граф, беря в правую руку меч противника. Плащ уже обрел обычный вид. Еще раз взмахнув черной полой, граф объяснил: — Он сшит из кожи женщин, утолявших мою жажду, и отполирован их кровью. Благодаря тайной технологии, известной лишь моему клану, он в пять раз прочнее самой закаленной стали и в двадцать раз гибче паутины. Ты только что стал свидетелем его вяжущих свойств.

Несколько сполохов опалило воздух. Плащ развернулся — и все деревянные дротики, которые метнул Ди, упали к ногам графа.

Несколько сполохов опалило воздух. Плащ развернулся — и все деревянные дротики, которые метнул Ди, упали к ногам графа.

— Дальнейшее сопротивление бессмысленно. — Плащ раскинулся, точно крылья черной таинственной птицы, и граф бросился вперед.

— Дальнейшее сопротивление бессмысленно. — Плащ раскинулся, точно крылья черной таинственной птицы, и граф бросился вперед.

Ди отскочил, но на его рукаве остался свежий порез — на этот раз накидка превратилась в острейший клинок.

Ди отскочил, но на его рукаве остался свежий порез — на этот раз накидка превратилась в острейший клинок.

— О, что случилось, мой добрый охотник? Ты что, уже бессилен? — Язвительный смех и смертоносный плащ взлетели вместе. Ди пришлось вертеться юлой, уклоняясь от стремительных атак вампира.

— О, что случилось, мой добрый охотник? Ты что, уже бессилен? — Язвительный смех и смертоносный плащ взлетели вместе. Ди пришлось вертеться юлой, уклоняясь от стремительных атак вампира.

В какой-то момент пара поменялась местами — теперь Ди стоял перед Дорис, заслоняя ее.

В какой-то момент пара поменялась местами — теперь Ди стоял перед Дорис, заслоняя ее.

Глаза графа сверкнули. Снова вздулся плащ.

Глаза графа сверкнули. Снова вздулся плащ.

Ди собирался отскочить, но тут что-то обхватило его сзади. Руки Дорис!

Ди собирался отскочить, но тут что-то обхватило его сзади. Руки Дорис!

Секунда — и плащ коконом окутал тело Ди. В битве, требующей полной сосредоточенности, даже дампир забыл на миг, что укушенная однажды Дорис стала рабой графа.

Секунда — и плащ коконом окутал тело Ди. В битве, требующей полной сосредоточенности, даже дампир забыл на миг, что укушенная однажды Дорис стала рабой графа.

Кости Ди затрещали под диким давлением, лицо исказилось. И все же, кто еще успел бы оттолкнуть Дорис за долю секунды до того, как ткань проглотила бы и ее тоже? В руках графа блеснул меч Ди.

Кости Ди затрещали под диким давлением, лицо исказилось. И все же, кто еще успел бы оттолкнуть Дорис за долю секунды до того, как ткань проглотила бы и ее тоже? В руках графа блеснул меч Ди.

— Ты погибнешь от собственного клинка.

— Ты погибнешь от собственного клинка.

Аристократ вознамерился отрубить щенку голову. Рассечь накидку, обернувшую туловище Ди, меч не мог, но граф все же ударил, ударил изо всех сил — и вдруг рука его остановилась.

Аристократ вознамерился отрубить щенку голову. Рассечь накидку, обернувшую туловище Ди, меч не мог, но граф все же ударил, ударил изо всех сил — и вдруг рука его остановилась.

В ту же секунду плащ обмяк и смялся, освобождая Ди. Концентрация графа ослабла, и чары, наложенные на ткань, развеялись. Взвившийся вихрем Ди приземлился перед графом. И что же дальше?

В ту же секунду плащ обмяк и смялся, освобождая Ди. Концентрация графа ослабла, и чары, наложенные на ткань, развеялись. Взвившийся вихрем Ди приземлился перед графом. И что же дальше?

— Ха!

— Ха!

Улыбаясь в предвкушении того, что враг сейчас будет насажен на вертел, аристократ сделал выпад — и меч застыл у самой груди охотника. Застыл, зажатый ладонями Ди. Первый поединок повторялся, только роли противников теперь поменялись!

Улыбаясь в предвкушении того, что враг сейчас будет насажен на вертел, аристократ сделал выпад — и меч застыл у самой груди охотника. Застыл, зажатый ладонями Ди. Первый поединок повторялся, только роли противников теперь поменялись!

И вида не показывая, что ему тяжело удерживать сверкающее острие в четырех дюймах от себя, Ди чуть повел кистями. Нет, граф не отлетел в сторону — на сей раз со звонким щелчком отломился конец клинка. Не выпуская из рук куска стали, Ди отскочил назад футов на десять.

И вида не показывая, что ему тяжело удерживать сверкающее острие в четырех дюймах от себя, Ди чуть повел кистями. Нет, граф не отлетел в сторону — на сей раз со звонким щелчком отломился конец клинка. Не выпуская из рук куска стали, Ди отскочил назад футов на десять.

— О, тот самый трюк...

— О, тот самый трюк...

Вновь взмыла в воздух накидка графа, но в данном случае разница между фокусником и зрителем обернулась разницей между жизнью и смертью. Острие меча серебряной пулей вылетело из сведенных ладоней Ди и аккуратно вонзилось точно в сердце под черным одеянием.

Вновь взмыла в воздух накидка графа, но в данном случае разница между фокусником и зрителем обернулась разницей между жизнью и смертью. Острие меча серебряной пулей вылетело из сведенных ладоней Ди и аккуратно вонзилось точно в сердце под черным одеянием.

Граф окаменел — и несколько секунд стоял как вкопанный. Потом его лицо начало таять; выпали из глазниц и закачались на зрительных нервах глаза.

Граф окаменел — и несколько секунд стоял как вкопанный. Потом его лицо начало таять; выпали из глазниц и закачались на зрительных нервах глаза.

Вампир уже рухнул на пол, но гниющему языку и истлевающим голосовым связкам удалось сложить еще несколько последних слов:

Вампир уже рухнул на пол, но гниющему языку и истлевающим голосовым связкам удалось сложить еще несколько последних слов:

— Мне... надо было умолять нашего бога-предтечу научить меня этому фокусу... Возможно ли... Милорд, ты действительно его...

— Мне... надо было умолять нашего бога-предтечу научить меня этому фокусу... Возможно ли... Милорд, ты действительно его...

Ди кинулся к лежащей на помосте Дорис. Что-то странное творилось с замком. Доказательством тому служил слабый тревожный звон брелка сигнализации в нагрудном кармане графа. Именно он помешал смертоносной атаке вампира — вклинившаяся в ухо сирена отвлекла внимание лорда, лишив его верной победы и швырнув в пропасть гибели. Пол под ногами подрагивал.

Ди кинулся к лежащей на помосте Дорис. Что-то странное творилось с замком. Доказательством тому служил слабый тревожный звон брелка сигнализации в нагрудном кармане графа. Именно он помешал смертоносной атаке вампира — вклинившаяся в ухо сирена отвлекла внимание лорда, лишив его верной победы и швырнув в пропасть гибели. Пол под ногами подрагивал.

Легкая пощечина привела Дорис в чувство. Чудо, но следы клыков на ее шее пропали!

Легкая пощечина привела Дорис в чувство. Чудо, но следы клыков на ее шее пропали!

— Ди... но что происходит?! Ты жив?

— Ди... но что происходит?! Ты жив?

— Моя работа завершена. Раны на твоём горле исчезли. Иди. Поднимешься по той лестнице, наверху тебя ждёт Дэн. Вы с ним вернетесь на ферму.

— Моя работа завершена. Раны на твоём горле исчезли. Иди. Поднимешься по той лестнице, наверху тебя ждёт Дэн. Вы с ним вернетесь на ферму.

— Но ты... ты должен пойти с нами.

— Но ты... ты должен пойти с нами.

— Моя работа завершена, но дела здесь ещё остались. Поторопись. И пожалуйста, передай Дэну: пусть не забывает обещания, данного старшему брату.

— Моя работа завершена, но дела здесь ещё остались. Поторопись. И пожалуйста, передай Дэну: пусть не забывает обещания, данного старшему брату.

Слезы заискрились в уголках девичьих глаз.

Слезы заискрились в уголках девичьих глаз.

— Иди.

— Иди.

То и дело оглядывающаяся Дорис в конце концов скрылась в темноте. Она наверняка не расслышала слов левой руки Ди:

То и дело оглядывающаяся Дорис в конце концов скрылась в темноте. Она наверняка не расслышала слов левой руки Ди:

— Пока-пока, упрямые, милые детишки. Удачи вам!

— Пока-пока, упрямые, милые детишки. Удачи вам!

Ди повернулся. У стены зала стояла Лармика.

Ди повернулся. У стены зала стояла Лармика.

— Это сделала ты?

— Это сделала ты?

Бледная красавица кивнула:

Бледная красавица кивнула:

— Я выдернула все предохранители. Через пять минут замок рухнет, — пожалуйста, беги, пока можешь.

— Я выдернула все предохранители. Через пять минут замок рухнет, — пожалуйста, беги, пока можешь.

— Ты могла бы жить в своём замке до скончания времен.

— Ты могла бы жить в своем замке до скончания времен.

— Конец времен уже наступил для нас. Семья Ли давно умерла. Это случилось, когда мой отец избрал бессмысленное вечное существование, заполненное лишь питьем человеческой крови.

— Конец времен уже наступил для нас. Семья Ли давно умерла. Это случилось, когда мой отец избрал бессмысленное вечное существование, заполненное лишь питьем человеческой крови.

Тряска усилилась, стены покоев застонали, белый порошок посыпался с потолка — не обычная пыль, а скорее раскрошившийся камень. Нарушилась молекулярная структура всего здания!

Тряска усилилась, стены покоев застонали, белый порошок посыпался с потолка — не обычная пыль, а скорее раскрошившийся камень. Нарушилась молекулярная структура всего здания!

— Значит, ты остаешься?

— Значит, ты остаешься?

Вместо ответа Лармика сказала:

Вместо ответа Лармика сказала:

— Позволь мне спросить одну вещь... твоё имя. Ди... Ведь имя «Дракула» начинается с той же буквы?

— Позволь мне спросить одну вещь... твоё имя. Ди... Ведь имя «Дракула» начинается с той же буквы?

Губы Ди шевельнулись. Пара стояла не двигаясь, осыпаемая белым сухим дождем; Ответ охотника остался неизвестен.

Губы Ди шевельнулись. Пара стояла не двигаясь, осыпаемая белым сухим дождем; Ответ охотника остался неизвестен.

Как и должно было случиться, замок вампира, подобно его хозяину, рассыпался в прах. Дорис и Дэн никак не могли откашляться, да и поле зрения застилало лишь белые облака пыли.

Как и должно было случиться, замок вампира, подобно его хозяину, рассыпался в прах. Дорис и Дэн никак не могли откашляться, да и поле зрения застилало лишь белые облака пыли.

Они стояли на холме меньше чем в сотне ярдах от замка.

Они стояли на холме меньше чем в сотне ярдах от замка.

Вытирая слезящиеся глаза, Дорис подняла голову — и по щеке ее потекли совсем другие слезы.

Вытирая слезящиеся глаза, Дорис подняла голову — и по щеке ее потекли совсем другие слезы.

— Все пропало... Все. А он не вернулся...

— Все пропало... Все. А он не вернулся...

Положив руку на плечо скорбящей сестры, Дэн сказал нарочито весело:

Положив руку на плечо скорбящей сестры, Дэн сказал нарочито весело:

— Пойдем домой, сестренка. У нас куча дел.

— Пойдем домой, сестренка. У нас куча дел.

Дорис покачала головой:

Дорис покачала головой:

— А смысл... Я уже ничего не могу... Не могу управляться с кнутом, как прежде, не могу присматривать за тобой, не могу работать на ферме... И все потому, что я нашла того, на кого смогла положиться, от кого стала зависеть...

— А смысл... Я уже ничего не могу... Не могу управляться с кнутом, как прежде, не могу присматривать за тобой, не могу работать на ферме... И все потому, что я нашла того, на кого смогла положиться, от кого стала зависеть...

— Предоставь это мне, — восьмилетний мальчик ткнул себя в грудь. Маленькая ручка стиснула медальон Ди. — Надо продержаться всего-то лет пять. А потом я смогу делать все. Я даже найду тебе мужа, сестричка. Впереди долгий путь — так что не унывай, пошевеливайся!

— Предоставь это мне, — восьмилетний мальчик ткнул себя в грудь. Маленькая ручка стиснула медальон Ди. — Надо продержаться всего-то лет пять. А потом я смогу делать все. Я даже найду тебе мужа, сестричка. Впереди долгий путь — так что не унывай, пошевеливайся!

Он больше не чувствовал себя восьмилетним малышом.

Он больше не чувствовал себя восьмилетним малышом.

Дорис повернулась к брату, посмотрела на него так, будто никогда прежде не видела, и кивнула. Еще пять лет он будет всего лишь мальчишкой. Но пройдет десять — и он перестроит дом и прогонит драконов. Времени потребуется немало, но время, как известно, течет быстро.

Дорис повернулась к брату, посмотрела на него так, будто никогда прежде не видела, и кивнула. Еще пять лет он будет всего лишь мальчишкой. Но пройдет десять — и он перестроит дом и прогонит драконов. Времени потребуется немало, но время, как известно, течет быстро.

— Пойдем, Дэн.

— Пойдем, Дэн.

Улыбнувшись наконец, Дорис зашагала в сторону дома.

Улыбнувшись наконец, Дорис зашагала в сторону дома.

— А как же! — воскликнул паренек и, хотя сердце его едва не раскалывалось от горя, тоже улыбнулся, скрывая печаль.

— А как же! — воскликнул паренек и, хотя сердце его едва не раскалывалось от горя, тоже улыбнулся, скрывая печаль.

Неся на спине двух ребят, отдохнувшая лошадь бодрым галопом поскакала на восток, туда, где наливались голубизной небеса, и туда, где ферма ждала хозяев.

Неся на спине двух ребят, отдохнувшая лошадь бодрым галопом поскакала на восток, туда, где наливались голубизной небеса, и туда, где ферма ждала хозяев.

Ди сдержал обещание.

Ди сдержал обещание.

Теперь настал черед мальчика.

Теперь настал черед мальчика.

<http://tl.rulate.ru/book/51824/1303048>